

АЛЕКСАНДР СМОЛЬНИКОВ
ДЕВКИНА ЗАВОДЬ

РАССКАЗЫ И СТИХИ

Александр Смольников

Девкина заводь. Рассказы и стихи

«Автор»

2026

Смольников А. В.

Девкина заводь. Рассказы и стихи / А. В. Смольников — «Автор»,
2026

В книге собраны рассказы и стихи автора, связанные с темами моря, воспоминания людей о Великой Отечественной войне, армии. Есть шуточные, детские рассказы и стихи, написанные за последние несколько лет.

© Смольников А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА	6
РАССКАЗЫ	8
ДЕВКИНА ЗАВОДЬ	9
ЖАРА	18
МАМИНА ВОЙНА	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Смольников

Девкина заводь. Рассказы и стихи

АЛЕКСАНДР СМОЛЬНИКОВ

Девкина заводь. Рассказы и стихи.

Севастополь (фото автора).

©Александр Смольников
ISBN: 978-5-6051154-4-1

ЕКАТЕРИНБУРГ
2026

ОТ АВТОРА

Александр Смольников (фото автора).

Автор книги «Девкина заводь. Рассказы и стихи» Александр Смольников родился в городе Мелитополе Запорожской области в семье военнослужащего. С 1974 по 1978 год проходит учёбу в Свердловском высшем военно-политическом танко-артиллерийском училище (СВВПТАУ). Службу проходил в Закавказском и Уральском военных округах, в 12 учебном центре (отдельной мотострелковой бригаде) в Республике Куба. В 1997 году закончил Уральский государственный университет им. Горького.

Им написаны книги:

об армии – «Ступени»,

о великом живописце И.К. Айвазовском – «19 век. Айвазовский, море и вся его жизнь», «19 век. Айвазовский, море и вся его жизнь» (Малоизвестные страницы) и «XIX век. Айвазовский, море и вся его жизнь. (Страна фараонов)».

книга с юмористическим уклоном о Кубе и мотострелковой бригаде Вооружённых сил СССР на острове Свободы – «Куба, армия, комсомол»,

вышли три части книги об истории Урала – «Тропами святого Урала», посвящённой 300-летию Екатеринбурга.

две части книги «Че Гевара. Революция длиною в жизнь».

книга из трёх частей «Мой Мелитополь. XX веков от сказки».

И четыре части книги «Уйское пограничье».

В книге «Девкина заводь. Рассказы и стихи» Александр Смольников рассказывает о службе подводников в Заполярье в посёлке Лиинахамари, прозванного моряками «медвежьим углом». Также в сборник включены другие рассказы на морскую тематику, рассказы о Великой Отечественной войне, армейские, детские и другие рассказы.

В книге представлены стихотворения автора «для своих» и не судите о них строго.

Хотелось бы выразить благодарность жене Смольниковой Наталье Анатольевне и Крайнюку Александру Борисовичу за помощь в подготовке данной книги.

Автор обложки Олеся Крестьянинова.

*Посвящаю своей сестре
Сенченко (Смольниковой)
Наталии Владимировне*

РАССКАЗЫ

ДЕВКИНА ЗАВОДЬ

Друзья-однополчане (фото предоставлено Крайнюком А. Б.).

Июльская жара расплылась по Таганрогу обжигающим лицо маревом. Жаропрочные акции коряво ютились по улицам, и казалось, что они тоже хотят спрятаться и убежать от полуденного пекла.

По улице не спеша, вытирая выступающий пот с лысеющего лба, шёл высокий пожилой мужчина лет шестидесяти в светлых штанах, белой футболке и сандалиях. Тёмные очки в

золотистой оправе завершали внешний вид незнакомца. Порой он останавливался и разглядывал стоящие вдоль дорог дома. Видно было, что местность ему знакома, и он хорошо ориентируется. Чем дальше продвигался незнакомец, тем больше становилось понятно, что скорей всего этот приезжий, заглянувший сюда, на этот тающий под солнцем асфальт, для того, чтобы вспомнить моменты своей молодости, юности, а может и детства.

Александр Борисович Крайнюк, именно так звали этого пожилого человека, не торопясь присел на лавочку в прохладе деревьев. Листья черешни плотно закрывали сверху небольшой деревянный столик со скамейками, покрашенными зеленоватой краской, стояли во дворе одноэтажного частного дома, который находился недалеко от здания радиотехнического института. Он огляделся, да, всё, как и много лет назад, ничего не изменилось. Тот же дом, выстроенный из белого силикатного кирпича, который явно являлся гордостью хозяев, т.к. вокруг, как и прежде, ютились мазанки из глины, покрытые красной дореволюционной черепицей, та же черешня.

Взгляд упал на форточку, что выходила к столику во дворе. И тут приглушённый смех мужчины огласил двор. В окошке, как и много лет назад, была вертикально закреплена нарезанная газетная бумага, которая от малейшего ветерка приходила в движение, шуршала, отпугивая ласточек и насекомых, чтоб они не вили свои гнёзда.

– Всё, как и много лет назад! – подумал он.

Откинулся назад, положил голову на верхнюю штакетину лавочки, посмотрел снизу-вверх на густые листья черешни и закрыл глаза. Перед ним пробежало детство на Донбассе, потом поступление и учёба в радиотехническом институте Таганрога. Вспомнил выпускные экзамены и военные сборы, перед которыми на этих лавочках он с друзьями обсуждал подготовку к её проведению, потом распределение и работа на Урале.

Борисыч, так его иногда называют теперь друзья, отмахнулся от назойливой мухи и заулыбался воспоминаниям, пробежавшим перед глазами.

На столе, за которым он сейчас сидел, стоит полтора десятка бутылок пива «Ячменный колос», тут же лежит десятка два вяленой тараньки и связка вкуснейших азовских бычков. Куча очищенной шкуры с костями и требухой от рыбы возвышается горкой на газете «Таганрогская правда», разложенной на столе. Здесь же на ней чёрный хлеб, зелёный лучок, жареные только что выловленные бычки, таганрогская серебристая тюлечка, отварные яйца, горбушка хлеба, натёртая чесночком. Гвоздём программы, завершающим убранство стола, была большая фарфоровая миска с поздней черешней величиной с алычу, темной, почти чёрной цветом и такой же тёмной мякотью.

– Слушайте, братаны, – высокий, крепкий, загорелый парень в майке-тельняшке, Серёга Толстобров, он же Сека, он же Длинный, обратился к трём своим товарищам, – Послезавтра уйдем на стажировку на флот. Ты, Воха, – посмотрел он на Владимира Трубникова, – Пойдешь с соседней группой, так как будешь старшим у них, всех, кто отслужил в войсках, ставят старшими, а ты у нас два года отбабахал в танковых, тебе и сам бог велел. Жаль, конечно, что отколешься от коллектива, но куда не деться. А со мной будут Алик, – он похлопал по плечу сидевшего рядом невысокого парнишку, похожего на кавказца, это Алисолтан Шагаев, – А также Санёк Крайнюк. Вместо Вохи к нам прикрепляют Генку из параллельной группы.

Сергей был немного постарше остальных, он уже три года отслужил на Балтфлоте на надводных и уволился главным корабельным старшиной. Остальные поступили в институт после окончания школы.

– Пацаны, а как затариваться будем в дорогу, только до Мурманска три дня пилить, Саша Крайнюк посмотрел на товарищей, обведя всех вопросительным взглядом. В прошлом году офицеры-преподы с военной кафедры хорошо перешерстили, чуть ли не святыми ребятам пришлось ехать?

– Да не парься, берём ящик «белой» и раскидаем между собой, если и найдут, то не всю, уж это точно! Сегодня встречаемся у легендарного магазина «Щелки» затариться. Даже в то время в «Щелке» продавались португальские портвейны, венгерские вермуты, болгарские вина... А, ещё конфеты, печенье, всякая вкусная мелочёвка, – Так вот, возьмём несколько бутылок красного вина «Иверии», да посидим у памятника Петру, отметим День работников речного и морского флота, а потом маханём в кинотеатр «Рот-Фронт» на фильм «Анжелика маркиза ангелов», ух, девка гарная в кинофильме! – протараторил Сека.

Небольшой ветерок зашевелил крону черешни, что позволило сквозь густую листву тоненькому лучику солнца пробиться и ослепить открывшего глаза мужчину. Он сдвинул голову чуть в сторону и увидел заблестевшие сплетения паутины, которые раскинулись на деревьях, на окнах дома. Небольшой паучок сорвался и скатился на ниточке вниз, притормозив над головой Борисыча.

Да, в ту пору они только закончили Таганрогский радиотехнический институт, факультет «Микроэлектроники и электронной техники», где их готовили командирами БЧ4 (акустики) и начальниками радиотехнической службы, и теперь им предстояло убыть от военной кафедры на сборы на Северный флот на подводные лодки.

Путешествие из Таганрога к месту сборов прошло без особых происшествий: построение на ЖД вокзале, осмотр личных вещей, инструктаж в дорогу. Водка на тот момент осталась цела, но с движением поезда на север стремительно таяла. Из Мурманска приехали в Полярный, там всех переодели в робу, потом приняли присягу на фоне корабля, вечером достали последние остатки «беленькой», и так как её осталось совсем мало, для увеличения «КПД» вылили её в миску и набросали в неё хлеба. Только Алик попросил налить его долю в стакан.

Утром посадили в автобусы, трёх человек отправили в Видяево, а остальных шестнадцать в Лиинахамари, что в Печенгском районе, один из самых северных населённых пунктов Мурманской области.

Перед убытием на стажировку Саша перелопатил всё по истории этого края. Лиинахамари, оказался маленьким посёлком, но с большой историей, приходящейся на время Великой Отечественной войны и неразгаданным до конца названием, кто-то называет его "Каменный цветок", кто-то "Крепость на камне", в старину русские мореплаватели называли бухту "Отворотная". А позже за ней закрепилось название «Девкина заводь» – так и называют её по сей день. О чём он с удовольствием рассказывал друзьям, поражая их подробностями познаний о данной местности.

При подъезде к Лиинахамари их встретил форштевень боевого корабля, вмонтированный в отвесную скалу, неповторимая визитная карточка гарнизона моряков. Вот он знаменитый у подводников «медвежий угол» Заполярья! Вокруг раскинулись скалы, горы, раскрашенные самыми необычайными красками природы. Конечно не Кавказ, но что-то неповторимо-дикое и одновременно чарующее веяло от этого разнообразия скал. И море, которое уютно расположилось в этих чашах среди гор, блестело ровным ковром бирюзово-синих мазков кисти художника, постепенно уходящее в высь неба, смешиваясь с такими же необычайными красками.

*Лиинахамари. Памятник «Нос корабля»
(из архива А.Б. Крайнюка).*

Впереди показался небольшой полуостров, выдвинувшийся в море, на котором располагалась казарма в пять этажей. На первом этаже штаб, а на остальных этажах казармы. С одной стороны, полуостровка стоят подводные лодки, а вот с другой залив, это и есть Девкина заводь. Как оказалось, здесь проводятся праздничные мероприятия, в том числе и главный морской парад на день ВМФ.

Саша оглядел ребят и вполголоса прочитал стихотворение.

Я сойду где-то в гавани дальней,
Здесь когда-то отец воевал.
Награждён он за город медалью,
Лиинахамари, тебя русский моряк штурмовал.

И в честь той победы на скалах,
Есть памятник «Нос корабля».
Норвежцев Россия спасала,
Все тяготы с ними деля.

О бое отец мне поведал,
Я решил этот край навестить.
За отца и за нашу Победу,
Я венок, хочу в море спустить.

Тишину, наступившую при этом, после прочтения прервал Алисолтан Шагаев:

– Саня, хорошее стихотворение, наше, про море! Интересно чьё оно?

Крайнюк посмотрел на товарища:

– Это поэт из Санкт-Петербурга Петр Михайлович Кукушкин посвятил памятнику «Нос корабля» свое стихотворение. Я рад, что вам понравилось!

После прибытия в часть, в первый же день последовало «комсомольско-молодёжное» задание от мичмана Мохарта:

– Товарищи курсанты, к Дню ВМФ нужна стенгазета, так что любезно прошу оформить. Вот возьмите ватман, намочите его водой, чтоб вытянулся и вперёд!

Газета, так газета, первый раз что ли! Тут уже без трёх секунд все с высшим образованием. Взяли карандаши, гуашь, перья плакатные, тушь разноцветную...

Всё, шедевр создан, осталось понять, как закрепить. Саша Крайнюк напрямик к мичману:

– Виктор Григорьевич, как и куда крепить будем?

– А возьмите в ящике от глубинных бомб на пирсе у крейсера немецкого гвозди, там они в нём валяются от сгоревшей тары! – прозвучал ответ мичмана.

– Ну, что ж замечательно, – подумал Крайнюк, – Всё по-флотски прямолинейно: прибить стенгазету ржавыми гвоздями! Всё очень понятно и доступно, так сказать!

Ещё одно знаменательное событие, запечатлевшееся в памяти курсантов по подготовке к Дню ВМФ, был приезд контр-адмирала. Впрочем, не как сам приезд, как подготовка к нему, когда матросов и курсантов погнали с обрезками (тазиками) и совками с тряпьем на плац убирать воду под моросившим дождиком. Хлюп-хлюп, черп-черп и лужица перекочёвывает в

тазик, потом тряпками просушили асфальтик и хоть на выставку достижений народного хозяйства страны!

База подводных лодок (из архива А.Б. Крайнюка).

А гвоздём программы стал праздничный парад! Нет, не то что вы подумали, ни в кильватере подводные лодки, эсминцы, фрегаты атакующие-стреляющие, ни морпехи штурмующие на катерах побережье! Нет! Чуть-чуть раньше...

Начальство дало команду к Дню ВМФ привести всё в порядок, подкрасить и главное заменить, поставить новые стёкла в казармах и штабе. А когда на праздник в Девкиной заводи всё застреляло, заухали глубинные бомбы, морпехи крикнули: «Ура!», – все стёкла и новые, и старые дружно лопнули и рухнули с этажей на землю.

Позавтракав и заев кружку кофе птухой, это такое матросское «блюдо», представляющее мешанину масла со сгущёнкой, намазанную на хлеб, наши герои выдвинулись на подводную лодку.

Лодка как лодка, дизельная, 641-го проекта, восемь отсеков: первый и восьмой торпедные, но холодина в них, не больше пятнадцати градусов поди, в то время как в пятом, дизельном, до пятидесяти! Второй аккумуляторный, третий центральный, в него вход с рубки, перископ, всё управление, в шестом электродвигатель, тоже не замёрзнешь, а вот в седьмом жильё для матросов.

Саша Крайнюк ростом выдался под два метра, хоть в танкисты подавайся, хоть на подводную лодку, везде башкой стукаешься, залихватски отдал честь флагу по прибытию на лодку, выполнил негласный ритуал, попросив разрешение пройти у попавшегося по пути матроса. Бодро двигаясь дальше по коридору, ушами «прошёлся» вдоль коробочки на потолке по центру, сразу опалив уши о данный прибор, перерабатывающий углекислый газ на кислород, оказавшимся очень горячим. Так называемые газоочистители CO₂. На лодке было чисто, покра-

шено всё до основания во множество слоёв, так что ему показалось, что предпочитают лучше покрасить, чем отчистить.

Курсанты-стажёры (фото предоставлено Крайнюком А.Б.).

Сергей Толстобров быстро нашёл язык с экипажем, с дембелями – старшими по призыву матросами, которые, узнав, что он отслужил на флоте три года и является главным корабельным старшиной, сразу приняли в их компанию себе равным. В дальнейшем при выходе в море это явилось прибавкой кагора, которого выдавалось на каждого в обед по сто миллилитров, но этот чудный напиток, по устоявшимся традициям, молодёжи не доставался, а являлся добавкой к обеду старослужащих.

Так в знакомстве с лодкой прошло несколько дней, экипаж нёс службу, построенную на трёх китах: вахта четыре часа, подвахта четыре часа и отдых четыре часа. В один из дней Саша устроился на ночлег в отсеке для матросов на коечку, представляющую собой рамку из трубы с натянутым на неё брезентом, шириной сантиметров пятьдесят, упёршись как всегда коленями в верхнюю кровать, отошёл ко сну. Коечки располагались в три яруса вдоль бортов. И когда сон был особенно крепок, был разбужен сигналом Боевой тревоги, около пяти часов утра.

Непрерывный сигнал звонком громкого боя прозвучал в течение 25-30 секунд с трёхразовым повторением и подтверждением голосом. Молодёжь судорожно попрыгала с коек, пытаясь засовывать ноги в штаны, руки в рукава, всё почему-то при этом путалось и движение впредь по команде было минимальным. В то же время дембеля ещё лежали на койках, все действия их казались неспешными, даже медленными. Однако, как-то так получилось, что они первые оделись по форме и выдвинулись по команде, а молодёжь так и продолжали ковыряться, пытаясь одеться.

Серёга Толстобров подозвал Алика, Гену и Саню Крайнюка, осмотрел их внешний вид:

– Что, готовы? За мной, вперёд, гвардия!

Рядом матросы резво передвигались по коридору с красными баклажками на ремне, это портативные дыхательные аппараты ПДА, предназначенные для экстренной защиты дыхания и лица. Они, ловко хватаясь двумя руками за верхнюю часть люка, ногами вперёд эффектно перелетали в другой отсек.

Погружение... Зам командира лодки, капитан-лейтенант Хачатуров, увидев курсантов, скрывив лицо, прорычал Длинному, то есть Серёге:

– Бери своих и по местам. Сидите тихо, наблюдайте и запоминайте. Мешать не надо своей суетой!

– Есть, понятно! – в ответ прокричал Толстобров.

Всё на лодке шло своим чередом. В процессе похода матросы набрали на глубине сто девяносто метров в плафоны от ламп забортной воды и устроили нашим курсантам посвящение в моряки, заставив выпить по пол литра морской воды. Саша, Гена и Алик побывали в рубке, посмотрели в перископ. Саня Крайнюк был даже расстроен, что он совсем почти не приближает, а ему казалось, что увидит дальние корабли прямо перед глазами. Особенно новичков преследовал запах соляры, который стоял везде, где бы ты ни находился на подводной лодке.

По приходу на базу, капитан-лейтенант Хачатуров озадачил их дембельским аккордом. Есть такая традиция перед окончанием службы, наделять увольняющихся определёнными задачами, после выполнения которых, им и выдаются документы об увольнении.

– Товарищи курсанты! Внизу памятника «Героям подводникам» построить из кирпича стенд «Лучшие люди части», – поставил задачу офицер.

Памятник расположился на невысокой горе, поросшей зелёной травой, и напоминал рубку подводной лодки, выполненную из камня. Он прославлял фантастические подвиги моряков-подводников в годы Великой Отечественной!

Поэтому необходимо было не напортчить со своим стендом вблизи такого знаменательного места. Что и было выполнено. Позднее симметрично кем-то был построен ещё один такой же стенд. Они и сегодня стоят среди общей разрухи городка.

Вот так незаметно подошли к концу сборы курсантов-подводников, вчерашних студентов Таганрогского радиотехнического института. Главный старшина корабельного флота Серёга Толстобров, он же Сека, он же Длинный построил своё войско в лице Сани Крайнюка, Алика Шагаева, Генки из соседней группы и ещё нескольких приблудших стажёров в колонну по два и скомандовал: «Шагом марш!». И строем повёл их в самоволку в городок, где виднелось с десяток домов. Это было в самый тёплый день их пребывания на сборах. Термометр показывал +14 градусов.

Дома в основном были выполнены в четыре-пять этажей, проживало в Лиинахамари тогда порядка четырёх тысяч человек. Местные, в основном семьи моряков, жили дружно, снабжение было неплохое. Ребятня бегала во дворах, ходили на рыбалку. Работы для семейных было немного. Кое-кто устраивался в части. А так, жёны моряков проводили в общении, вязали, шили, ухаживали за детьми. Проводились мероприятия женсоветом части. И конечно всегда и все здесь ждали. Ждали возвращения своих любимых мужчин из морских походов, готовясь к этому как большому празднику, накрывая столы с яствами, выпивкой. Участь жён офицеров, а тем более жён моряков – ждать!

Особенно тоскливо было в условиях зимы, полярной ночи, когда снегом покрывались окрестные горы, скалы, дворы.

Интересного особо в городке было мало, стажёры полюбовались на торец четырёхэтажного дома, на котором была изображена подводная лодка, шедшая среди волн, закупились в магазине, набрав продуктов, сигарет, прошли по улице. На одном из домов в верхней части было набрано из красного камня на фоне белого кирпича «Решения XXV съезда КПСС – выполним!» Толстобров для прикола скомандовал своему войску:

– Команда, смирно! Равнение на XXV съезд партии! – все перешли на строевой шаг, повернув головы на дом с лозунгом, а пройдя, все дружно гоготали, придуманной Секой шутке.

Уже стоял конец августа. Дни, отведенные на пребывание в части, заканчивались. Завтра домой.

Саша Крайнюк с утра не находил себе места. С одной стороны, очень уже хотелось домой, а с другой уже жаль было расставаться с этим «медвежьим уголком». Забрался на ржавую баржу и долго смотрел в море. Вроде такое же как у них в Таганроге, но какое-то всё равно другое, холодное, больше в нём тёмных, свинцовых красок. Вокруг горы, круто спускающиеся в море. Вот мыс Ладейный, а вон дальше Крестовый. Вроде как родные уже стали!

Потом не выдержал и в ночь забрался на ближайшую возвышенность среди скал, посмотрел в даль перед собой. Внизу лежит маленький полуостров с казармой и вот она бухта, теперь уже и его бухта, которая блестела и переливалась черноватой синью моря, медленно дышала, накатывая волны на берег. Девкина заводь, она навсегда останется в его сердце. Он ткнул ногой лишайник и посмотрел вдаль. Ух, ты-ы! Перед глазами поднималось северное сияние, он впервые его увидел, только почему-то не цветное, а какое-то желтоватое! Он прищурился, чтоб лучше увидеть это чудо.

– Наверное, это к счастью! – прошептал он.

– О-го-го! Сча-стье-е! мо-ре-е-е! – прокричал парнишка куда-то туда в далёкую бездну океана.

– Прощай, Девкина заводь, прощай, вряд ли мы ещё раз свидимся, а вообще, чем чёрт не шутит, ведь впереди целая жизнь, – подумал он.

На следующий день автобус доставил курсантов в Мурманск. Скоро они опять окажутся за своим столиком с заветными зеленоватыми скамеечками под густой таганрогской черешней...

Мужчина, будто проснувшись ото сна, открыл глаза.

– Да, всё как вчера, – подумал он, медленно поднялся, провёл ладошкой по столику, будто сметая крошки того студенческого застолья, и не спеша пошёл в сторону моря.

Екатеринбург, 2021 год.

ЖАРА

*Азербайджан, посёлок Коби. На переднем плане
бывшие казармы армейского артиллерийского полка
(фото из архива автора).*

Сопки, степь, жара...

Солнце, издеваясь над людьми, стояло в зените и нещадно жгло всех, кто попадал под его лучи. Игорь глянул в даль. Желтоватая степь, вся покрытая черно-зелено-грязной колючей растительностью, называемой «верблюжьей колючкой», убегала вдаль за горизонт, размываясь мокрыми разводами в глазах – то ли от пота, то ли от какого-то видения от жары, называемого миражом, – и терялась в окрестных сопках. А впрочем чёрт его знает, что там терялось, жарко! Даже шевелить мозгами не хочется: видно, тоже опухли от солнца! Кошмар, да и только!

На той неделе во время стрельбы из орудий все просто очумели от всего этого. По ушам нещадно долбало от выстрелов. «Бах, шарах» – одиночными, очередями, залпами... Жара, вот собака! Гимнастёрки взмокли от пота, пить уже нечего, фляги стояли пустыми. Лёгкий ветер приносил только новые мучения и тщетные попытки сглотнуть: слюны не было, воздух стоял нестерпимо горячий. Лучше б уже не дул, сволочь!

«Прицел 120, уровень...», – всё звучит гулом в башке команды СОБа (старшего офицера батареи). «Когда же всё это закончится!» – гремит в голове очередным выстрелом. «А ещё только середина дня! Блин, до вечера бы дотянуть, может, с уходом солнца будет лучше. Но как дотянуть? Как же нестерпимо хочется пить!»

В/ч 24 559, 3-й дивизион на огневых позициях (фото автора).

Вдруг откуда-то появившийся гул ЗИЛа отвлек Игоря от криков расчётов. Это водовозка местных, переваливаясь, медленно ехала позади огневых позиций куда-то туда, в это марево. Один расторопный солдат – да это же Серёга со второго орудия! – отцепил шланг, закреплённый сзади машины, и из него полилась вода.

Всё, война закончилась. Сколько ни орал СОБ про «вашу мать», все устремились с солдатскими фляжками, бочонками к машине, которая не останавливаясь, продолжала свой неторопливый бег. Счастливики уже жадно пили, задрав головы, заодно поливали себе на башку живительную влагу. И только наводчики, остававшиеся возле орудий у прицелов, с жадностью оглядывались на машину.

Радости хватило ненадолго. Не прошло и двух часов, как всех охватила уже совершенная безысходность от невозможности глотнуть воды. Суховой жёг загорело-грязные лица бойцов; боевой дух где-то отдыхал, наверное, уже не близко от огневых позиций. Что за день такой выдался, не первый же месяц в этих условиях! Но как-то раньше было веселей и терпимей. Суховой... Да, если б не офицеры, которые на последнем удерживали бойцов у орудий, шевелившихся с сумасшедшими взглядами, всё б было уже давно кончено с дисциплиной на боевых порядках.

В перерыве между стрельбой Игорь подошёл к начальнику штаба дивизиона майору Онищенко:

– Фёдор, дай команду с каждого орудия приволочь бачки для пищи к ГАЗ-66. Проеду в горы в кошару, может, на пастухов выйду, затарюсь водой: иначе не дотянем, все уже пятый угол ищут из-за воды.

Подошёл СОБ.

– Ваня, давай командирам расчетов команду, пусть волокут тару капитану! – скомандовал Онищенко.

ГАЗ-66 взвыл, и Игорь, запрыгнув за старшего, махнул водителю рукой:

– Трогай, Семёнов, поехали!

Попылив по дороге минут сорок, машина, задрав нос, забралась на стоящую, выжженную от солнца высотку. Выехали на плато. Приземистые домишки из камня с покатою крышей и сараюха, загон для овец убого предстали перед глазами.

– Интересно, что у них с водой? – пробубнил под нос Игорь.

Подошёл чабан в халате и шапке, из дома вышли ещё двое.

– Эй, брат, воды надо на боевые! Нечего пить, понимаешь? – проговорил Игорь.

Чабан засуетился, взял Игоря за руку:

– Вот колодец! Набирай, командир! Конечно, дадим! – чабан открыл крышку забетонированного четырёхгранного колодца.

Вода струйками побежала по щекам, горлу, стекая на выбеленные от солнца х/б Игоря и водилы; кадыки жадно заходили вверх-вниз.

– Вечный кайф! Если он и есть, то это точно он! – подумал Игорь, – Есть, конечно, ещё один момент в жизни тоже важный, но не связанный с питьём воды, скорее даже наоборот, – закончил он свою мысль, пролетевшую у него в голове.

Набрав воды и поблагодарив радушных хозяев, тронулись назад.

Прошла неделя, а толку нет. Полевой лагерь, ряды палаток. Солнце так же нещадно палит голову, плечи, спину. Нет, сегодня лучше, нет этого горячего ветра. Но всё равно жарко, можно сказать: «Очень жарко, однако!».

Нахичевань. Жена с дочкой Олесей (фото автора).

В основном народ с утра на занятиях, повышают боевую подготовку. Игорь проснулся, перевернулся на кровати, задумался. «Духота, ну какой сервис под палящим солнцем в палатке? Да-а задница, блин!» – подумал он. Встал, насколько мог, поднял полы палатки: «Может, дунет ветерком!»

– Нет, не дует, зараза! Пойду прогуляюсь, поищу эту тень, – вставая, помечтал Игорь.

Пройдя по лагерю между палатками, он прекрасно понимал, что тени нигде нет, только под зелёным грибком дневального разве что кусочек на земле. Посмотрев вдаль на «лунный ландшафт» с верблюжьей колючкой, увидел командир дивизиона Володю Скамьина. Тот возвращался с контроля занятий. Оба забрались в палатку.

– Володя скинул куртку х/б, сел на кровать и по-хозяйски, достав пол бутылки тёплой водки, разлил в металлические кружки.

– Давай, Игорь, чухнем, по-другому избавиться от ненавистной жары не удастся.

– Ага, за укрепление воинской дисциплины в армии и на флоте, поехали! — проговорил скороговоркой Игорь, отправляя тёплую жидкость внутрь себя.

Появившееся марево в башке сравнялось с наружным, мысли о ненавистной жаре отступили, и завязался неторопливый разговор про жизнь, про деток, про то, что надо бы помыться под душем с мылом. Пора бы домой!

А так всё равно жара, братцы, и никуда от неё не деться!

Екатеринбург, 2021 год.

МАМИНА ВОЙНА

(по воспоминаниям моей мамы Смольниковой (Саниной) Инны Никоновны)

*Посвящаю деду Санину Никифору Андреевичу
и бабушке Кате, Екатерине Михайловне,
в девичестве Андреевой.*

*Мама. Смольникова (Санина) Инна Никоновна
(фото из архива автора).*

Шёл 1943 год, третий год страшной войны. Советские войска шли от Сталинграда на запад, освобождая города, деревни и сёла родной страны, и подходили к небольшому городу районного значения в Запорожской области Мелитополю.

Ночь, гул бомбардировщиков в черном небе. Очень страшно. Девочки-сёстры, спасаясь от бомбежки, лежали, закрывая голову детскими ручками, с мамой Екатериной Михайловной Кравченко и соседями из своего переулочка. Это за Юровкой в поле со стороны нынешнего авиа-городка, за вырытыми капонирами.

Темная мгла украинской южной ночи периодически вспыхивала яркими фонарями белого света высоко над землей, которые постепенно, жутко покачиваясь, немного по спирали опускались вниз, ярко освещая землю, выискивая вражеские немецкие укрепления, технику, наконец-то просто людей, солдат вермахта. Советские самолёты ставили подсветку для работы артиллерии и авиации в ночных условиях.

Эти солдаты для маленькой, лежавшей на холодной осенней земле Инны, давно перестали быть людьми, а были просто фашистами, которых она люто ненавидела, ненавидела так, как могло только ненавидеть сердечко одиннадцатилетней девочки, недавно отметившей свой день рождения, второе уже день рождения, как они попали под оккупацию немецкой армии.

Эту ненависть она пронесла к немцам через всю свою жизнь и ничего с собой так и не смогла поделать. И уже в мирное время после войны, хоть и понимала, что люди все хорошие, но немцы так для неё и остались фашистами на всю жизнь.

Вдруг раздалась немецкая речь, солдаты, бряцая автоматами и переговариваясь между собой, остановились практически над головами, лежащих на земле под горой людей. Всё замерло, оцепенело в страхе. Даже земля, в которую хотелось вжаться, раствориться, и она, как видно, испугалась тоже – эта наша земля, что не пускала в себя, не давала исчезнуть в ней спрятавшейся от немцев и бомбёжки группе испуганных людей.

Но немцы переговорили и пошли дальше. Как потом сказала Виктория, одна из лежавших со всеми женщин, знавшая немецкий, они переговорили о том, что это лежат «цивильные», т.е. гражданские, и бог с ними... Им нужно было уходить. Пронесло.

У девочки Инны проносились в голове все последние события её войны. Вот приехал домой папа, один из руководителей железнодорожного узла Приднепровской железной дороги в Мелитополе, работавший в восьмом отделении старшим инженером-графистом, он отвечал за составление графиков движения всех поездов по этой дороге. Сказал, что нужно собираться и уезжать, т.к. немцы быстро продвигаются и подходят к Мелитополю, и уходит последний состав из города, а в нём есть вагон для железнодорожников узла и их семей.

Мама Катя, молодая ещё женщина, с которой сошелся отец в 1941 году за полгода до начала войны, и они стали вместе жить. Она то и взяла заботу над девочками.

До её появления Инна, будучи маленькой, дни напролет, по 12 часов просиживала на подоконнике, смотря, как ребятки играют на улице, в ожидании сестры и отца, когда отец придет и можно будет хорошо покушать.

Сестра Вика была на четыре года её старше и уже училась в школе в первом классе. А отец, Санин Никон Андреевич (по рождению Никифор, потом в паспорте просто произошла описка и так и осталась) дни напролёт был загружен работой на железной дороге.

Так и жили сами, т.к. за то, что родная мать не следила за детьми, загуливала, в один из холодных осенних дней сестрёнки просто не могли попасть домой, пока не пришёл папа, и мокли под ледяным дождем, после чего Вика подхватила болезнь «летучий ревматизм», которая навсегда превратила её в больного человека, и отец просто выгнал жену из дома.

Он и раньше, с началом войны, предлагал жене переехать с детьми в Ташкент к своей сестре, но Катерина категорически отказалась, только вместе, чтобы не было к ней претензий, вдруг, что не так получится с девочками.

Сборы были недолгими, только самое необходимое, и уже они всей семьёй в вагоне. Да не суждено было им далеко уехать, как сразу за городом, на подъезде к Обильной, налетели немецкие самолеты.

Описать ужас бомбежки трудно, просто необъяснимо страшно было: визжащий звук моторов самолетов над головами, взрывы бомб, крики, вот и всё, что запомнилось. Состав был полностью разбомблен. Кто остался жив, потянулись кто обратно в Мелитополь, кто наоборот двинул на Восток.

Санин Никон Андреевич (фото из архива автора).

Мама-Катя сказала, что дальше они не пойдут, «куда с девчухами», и она с ними возвращается назад домой в свой домик на Юровке. А папа был руководитель, коммунист, ему нужно было уходить. Что чувствовали взрослые, что чувствовал отец, когда нужно было оставить своё родное, в ту пору, в девять лет отроду, понять было трудно.

Советские войска отошли в спешке, почти незаметно, без особых боев. А немцы запомнились воем мотоциклов, они не зашли, они тучей въехали на мотоциклах в город, с автоматами на шеях, и мотоциклы, мотоциклы с солдатами... А, оставшиеся жители с ужасом смотрели в окна. Началась оккупация.

Немцы оказались разными. Те, которые служили на железной дороге, были людьми добрыми. Когда однажды Инна стояла у калитки, один из немецких железнодорожников, проходя мимо неё, улыбнулся и подарил конфету. А как-то два румынских солдата зашли к ним в дом, походили-походили, а когда ушли, Инна, мама и Вика обнаружили, что они украли пирог, который мама испекла из зерна, которое выменяла на вещи в Семёновке.

Самыми страшными были эсэсовцы. С появлением этих головорезов все прятались по дальним углам, а они проходили в своей форме с автоматами, с металлическими бляхами, словно бусы, висевшими у них на груди.

С ними рядом жил Дима, фамилию Инна забыла, но очень хороший мужчина, добрый, заботливый, приехавший то ли из Москвы, то ли из Ленинграда. Как оказалось впоследствии:

он был подпольщиком, приносил им еду, бельё и доставал какие-то пропуска, справки, документы для соседей по улице, которые помогали избегать отправки в Германию.

Мама, Екатерина Михайловна, крутилась как могла. Чтобы раздобыть еду, ходила за город в Семёновку, выменивала вещи на кукурузу, зерно. У них в доме была небольшая мельничка, на которой крутили зерно, мололи на ней, и тогда сыпалась крупа. Из неё варили «затируху», это и не кисель, и не суп, но какая-никакая еда.

Правда, не смотря что мать наливала по полной тарелке, не успев её съесть, кушать тут же хотелось опять. Пройдет ещё много месяцев, когда девочка Инна первый раз наестся досыта хлеба. Это уже когда закончится война, когда отменят карточки.

Инна сидела за столом, а мама со своей сестрой сидели рядом, напротив. Инна доедала суп, маленький кусочек хлеба закончился, а так хотелось ещё хлеба, так сильно хотелось и она попросила маму: «Можно взять ещё кусочек?». И мама: «Бери, дочка, бери! Сколько съешь, столько и бери!» Сказала и заплакала...

Пройдет много времени, и уже став взрослой женщиной, выйдя замуж, уже воспитывая детей, Инна Никоновна, как и многие её сверстники, будет после еды одной ладошкой, проводя по столу, сгребать крошки хлеба во вторую руку, отправляя в рот драгоценные остатки.

Она вспомнила, как во время оккупации Мелитополя, к ним пришла родная мама и принесла молоко и конфеты, на что она обрадовалась, но сестра Вика забрала молоко и вылила его, а конфеты бросила в печь. Она их бросила, предала и пусть забирает свои конфеты!

А пока у Инны была радость, что немцы ушли и не стали убивать их «цивильных» и, продолжая лежать на холодной земле, под гул взрывов, у неё продолжали проноситься в детской головке сцены её войны. Много, очень много людей, молодежи угоняли в Германию.

Несмотря на то, что Дима, благодаря своим каким-то связям, пытался уберечь соседей от угона, в один из дней к ним в калитку постучались. Екатерина Михайловна вышла и увидела, что стоит немец и полицейай из местных со списком. К ним подбежали её Вика и Инна.

Полицай сказал, что с ними проживает Вера, и её они заберут с собой. Мать испугалась, обвела рукой и говорит: «Мои только эти, больше никого нет, Вера с ними не проживает, такой нет!» Просто Вика, Вероника была очень худенькой из-за болезни и выглядела совсем маленькой девочкой, и у них закралась в списке ошибка, не Вероника, а Вера. Немец с полицейским переглянулись, махнули рукой и ушли.

На второй день мама их собрала и отправила от греха подальше в Вознесенку к тётке Дусе, жене маминого брата. Девочки собрались и пошли, идти далеко, за город.

Путь их проходил через площадь, где нынче располагается, возле центрального рынка, автостанция. Выйдя на площадь, увидели четыре виселицы. Было страшно. Тётя Дуся девочек с радостью встретила и приютила. И они прожили в селе несколько месяцев, пока их не забрала опять домой мама Катя.

Немцы, оккупировав город, даже открыли школу в ДК железнодорожников, но Инна ходила туда всего несколько дней, т.к. рассказала маме, как учительница за баловство взяла ученика за ухо и головой била об стенку. Мама сказала: «Ты ж такая шустрая, будешь следующей». И больше в немецкую школу она не ходила.

А в 23-й школе, что на вокзале, находился немецкий военный госпиталь. Пройдут годы, и в ней будут учиться и закончат школу её дети – Саша и Наташа.

Война катилась на запад. Если в начале войны прятались в перекрытом окопе в огороде, что вырыл ещё отец, то после того, как пробежавшие немцы по улице чудом их не расстреляли, стали уходить в бомбоубежище к депо.

Наши бомбили в одно и тоже время, поэтому время бомбежки было определить легко. Народа набивалось просто немерено. Как-то спустились, а там стоять негде, не то, что сидеть.

И мама отправила их под лавку. Инна лежала, и по ней, и по лицу бегала крыса. Фу, гадость, и страшно же! По мере приближения фронта бомбежки усилились, и уже авиация не придерживалась времени.

Прятались также в сарай к соседям Раковским, там были нары и можно было даже полежать. Конечно от осколков ещё уберечься можно было, но вот от снаряда, конечно, или бомбы сарай плохое укрытие.

Красные полосы снарядов от Катюш, под ужасающий вой, проносились в сторону Запорожья. Наши бомбили уже всё подряд, и посёлки в том числе, рядом большой длинный дом стоял уже в развалинах.

Причем, бомбил и полк, ставший со временем родным для Инны. Полк базировался после войны в авиагородке, это недалеко от тех капониров, где, когда-то Инна с родными пряталась от бомбёжек.

Мелитополь, 1971 год. Женский хор гвардейского полка. 2-й ряд: сл. Мама, Инна Никонкина Смольникова. Верхний ряд: 2-я спр. Довгаль, т. Рая; сл. 2-я Кадакина. Нижний ряд: 2-я т. Нина Рыжакова. С баяном – Кадакин.

В этом полку она потом проработала много лет в офицерском клубе, выйдя замуж за офицера этого полка Володю Смольникова.

Как-то на танцах её пригласил бравый фронтовик, штурман из полка, и, танцуя с ним, она вспомнила ему о тех днях: «Тоже мне штурман, вы ж бомбили по Юровке вместо немцев, порой так, что мы не знали, куда спрятаться!» На что тот отвечал: «Ничего не знаю, я штурман, у меня полный порядок, это всё к лётчикам!»

А однажды, Инна, Вика и мама Катя увидели, как краснозвёздные истребители зашли в атаку прямо, как показалось, на них, открыв огонь из пулемётов. Возле дома лежали мешки, и Инна нырнула туда, только мама потом смеялась, что голова в мешках, а всё остальное наружу.

Полтора месяца шли бои уже за Мелитополь. Как говорили местные: «Всему виной ликёроводочный завод. Наши наступают, до завода доходят, напьются, немцы их выбьют, потом наоборот». А вообще, битва за Мелитополь была страшная, не даром Мелитополь считался "воротами в Крым".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.